

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Связывание Ицхака - The Binding of Isaac

глава «Вайера» - Vayera 5775

«Возьми своего сына, своего единственного, любимого [сына], Ицхака, пойдя в землю Мория и там, на одной из гор, которую Я тебе укажу, принеси его в жертву всесожжения» (Берешит, 22:2). Так начинается один из самых знаменитых эпизодов Торы — и не только самых знаменитых, но и самых неоднозначных в нравственном отношении.

Традиционная трактовка этого отрывка такова: Авраама просили продемонстрировать, что его любовь к Б-гу превыше всего. Он должен был продемонстрировать это через свою готовность принести в жертву сына, рождения которого дожидался всю жизнь.

Зачем Б-гу потребовалось «испытать» Авраама, ведь Он знает человеческое сердце лучше, чем мы сами? Маймонид отвечает, что Б-гу не требовалось, чтобы Авраам доказал свою любовь к Нему. Испытание имело другое предназначение: установить навеки, насколько далеко должны заходить страх перед Б-гом и любовь к Б-гу¹.

Этот принцип редко был предметом споров. Эта история — о благоговейном трепете перед Б-гом и любви к Б-гу. Кьеркегор написал об этом книгу «Страх и трепет»² и уверял, что этика — нечто всеобщее. Этика состоит из всеобщих правил. Но любовь к Б-гу — нечто индивидуальное. Это личные отношения между «я» и «Ты». То, что пережил Авраам во время испытания, пишет Кьеркегор, представляло собой «теологическое упразднение этического», то есть готовность допустить, чтобы любовь к Б-гу — отношения «я-Ты» — перевесила всеобщие принципы, соединяющие людей друг с другом.

Раввин Соловейчик объяснял этот эпизод через призму своего определения религиозного уклада жизни как диалектики победы и поражения, величия и смирения, человека как творчески одаренного повелителя и человека как покорного слуги³. Бывают времена, когда «Б-г велит человеку отдалиться

¹ Путеводитель растерянных, 3:24.

² Кьеркегор Сёрен. *Страх и трепет*. М.: Культурная революция, 2010.

³ Joseph B. Soloveitchik. *Majesty and Humility*. Tradition 17:2, Spring. 1978, P. 25–37.

от того, что человеку всего желаннее»⁴. Мы должны узнать на своем опыте и поражение, и победу. Таким образом, связывание Ицхака было не единичным эпизодом, который больше не повторялся, а парадигмой религиозного уклада жизни в целом. Всякий раз, когда нами овладевает страстное желание чего-то — поесть, выпить, вступить в половую связь — Тора накладывает ограничения на удовлетворение желания. Именно потому, что мы гордимся мощью нашего разума, Тора включает в себя хуким — законы, непостижимые для разума.

Это традиционные трактовки, относящиеся к основному течению традиции. Однако, поскольку «у Торы семьдесят лиц», я хочу привести аргументы в пользу другого истолкования. И хочу это сделать потому, что один из способов удостовериться в обоснованности трактовки — проверить, вяжется ли она с остальными частями Торы, с Танахом и с иудаизмом в целом. В отношении традиционной трактовки существуют четыре возражения:

1. Из Танаха и независимых свидетельств мы знаем, что в Древнем мире готовность принести своего ребенка в жертву не была редкостью. В Танахе упоминается, что так поступил Меша, царь Моаба. Поступил так и Ифтах, самый недостойный уважения правитель в книге Шофтим. Двое из самых безнравственных царей, упомянутых в Танахе, — Ахаз и Менаше — ввели этот обычай в Иудее, за что их осуждали. Имеются найденные археологами вещественные доказательства — кости тысяч маленьких детей, указывающие, что в Карфагене и других финикийских городах широко практиковалось принесение детей в жертву. Таков был языческий обычай.

2. С начала до конца Танаха принесение детей в жертву воспринимается как нечто ужасающее. Миха задает риторический вопрос: «Отдать ли мне первенца своего (за) преступление мое, плод чрева своего — (за) грех души моей?» (Миха, 6:7) и отвечает: «Сказано тебе, человек, в чем добро и чего требует от тебя Г-сподь: поступать справедливо, любить милосердие и в смирении ходить с Б-гом твоим» (6:8). Как мог Авраам служить образцом для подражания, если он был готов сделать то, чего его потомкам велели не делать?

3. Авраам был специально избран служить образцом отца, с которого следует брать пример. Б-г говорит о нем: «Я полюбил его, потому что он заповедает своим сынам и потомкам следовать путями Г-спода, творить добро и правосудие» (Берешит, 18:19). Как мог он подавать пример другим отцам, если был готов принести своего ребенка в жертву? Напротив, ему следовало ответить Б-гу: «Если Ты хочешь, чтобы я доказал Тебе силу моей любви к Тебе, возьми в качестве жертвы меня, а не мое дитя».

4. Мы как евреи — и как люди — должны отринуть принцип «теологического упразднения этического», предложенный Кьеркегором. Эта идея дает религиозному фанатику карт-бланш на преступления именем Б-га. Это логика инквизиции и террориста-смертника. Логика правильно понимаемого иудаизма — совсем иная⁵. Б-г не просит нас поступать неэтично. Возможно, нам не всегда понятна этика с точки зрения Б-га, но мы верим, что «Он — Твердыня, чисты Его деянья, праведны все Его пути» (Дварим, 32:4).

Чтобы понять историю связывания Ицхака, мы должны осознать: многое в Торе, особенно в Берешит, — это полемические выпады против мировоззрения, которое Тора считает языческим, бесчеловечным и неверным. Один из институтов, которым противостоит Берешит, — древняя семья, описанная Фюстелем де Куланжем в труде «Древний город» (1864)⁶ и недавно вновь проанализированная Ларри Зидентопом в книге «Изобретение индивида: истоки западного либерализма»⁷.

⁴ Ibid. P. 36.

⁵ Подробнее на эту тему см.: Jonathan Sacks. Not in God's Name. New York: Schocken, 2015.

⁶ The Ancient City. A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome. Garden City, NY: Doubleday, 1956.

⁷ Larry Siedentop. Inventing the Individual. London: Penguin, 2014.

Пока не появились первые цивилизации и крупные города, основополагающей социально-религиозной единицей была семья. По словам Куланжа, в древности существовала неотъемлемая связь между тремя вещами: домашней религией, семьей и правом собственности. У каждой семьи были свои божества, в том числе духи умерших предков: семья просила их о защите и приносила им жертвы. Власть главы семейства (*paterfamilias*) была абсолютной. У него было право решать, жить или умереть его жене и детям. После смерти отца власть неизменно переходила к его первородному сыну. А пока отец был жив, дети имели статус его собственности, а не полноправных людей. Это понятие сохранялось даже после библейской эры, в форме принципа *patria potestas*⁸ в римском праве.

Тора выступает против всех и каждого элемента этого мировоззрения. Как отмечает антрополог Мэри Дуглас, одна из самых поразительных особенностей Торы — то, что в нее не включены какие-либо жертвоприношения умершим предкам⁹. Искать контакта с духами умерших недвусмысленно воспрещается. Столь же примечателен тот факт, что в первых эпизодах наследство переходит не к первенцу: не к Ишмаэлю, а к Ицхаку, не к Эсаву, а к Яакову, не к колену Реувена, а к Леви (священство) и Йеуде (царская власть), не к Аарону, а к Моше.

Вся — от рождения до связывания — история Ицхака направлена против представления, что ребенок является собственностью своего отца. Во-первых, рождение Ицхака было чудом. Сара беременеет в возрасте, когда менопауза у нее уже позади. В этом смысле история Ицхака имеет параллели с рождением Шмуэля у Ханы: та, как и Сара, не могла забеременеть естественным путем. Вот почему, когда Шмуэль появляется на свет, Хана говорит: «Об этом отроке я молилась, и исполнил Г-сподь мою просьбу, с которой я взывала к Нему. *И я вверю его Г-споду*, на все дни жизни его он вверен Г-споду» (Шмуэль I, 1:27). Этот фрагмент — ключ к пониманию воззвания с небес — приказа Аврааму остановиться: «Ибо теперь Я знаю, что ты боишься Б-га. *Ведь ты не пожалел ради Меня [даже] своего единственного сына!*» (это высказывание встречается в Торе дважды, в Берешит, 22:12 и в Берешит, 22:16). Испытание состояло не в том, принесет ли Авраам своего сына в жертву, а в том, *отдаст ли он его Б-гу*.

Тот же принцип вновь появляется в Шмот. Во-первых, то, что Моше остался жив, — наполовину чудо, ведь он родился во времена, когда фараон повелел убивать всех детей мужского пола, рождавшихся у израильтян. Во-вторых, во время десятой казни египетской, когда умерли все первенцы египтян, первенцы сынов Израиля чудесным образом спаслись.

«Посвящайте Мне всякого первенца из сынов Израиля. Все, что первым выходит из материнского лона, у людей или скота, — *Мое*» (Шмот, 13:2). Вначале первенцы предназначались для служения Б-гу в качестве священников, но после греха с золотым тельцом их лишили этой роли. Тем не менее память об этой первоначальной роли все еще сохраняется в обряде пидъфон а-бен — «выкуп перворожденного сына».

Итак, когда Б-г попросил Авраама принести его сына в жертву, Он потребовал не жертвоприношения ребенка — а чего-то совсем иного. Он хотел, чтобы Авраам *отказался от права собственности* на своего сына. Он хотел установить не подлежащий обсуждению принцип еврейского закона, гласящий, что *дети не являются собственностью своих родителей*.

Вот почему три из четырех праmaterей обнаружили, что неспособны забеременеть без помощи чуда. Тора хочет сообщить нам, что рожденные ими дети были детьми Б-га, а не естественным результатом некоего биологического процесса. В конце концов весь народ Израиля стал зваться «детьми Г-спода». Мысль, родственная этой, выражена в том факте, что Б-г избрал Своим глашатаем, который должен был говорить от Его имени, Моше, человека отнюдь не

⁸ Отцовская власть (лат.). — Примеч. перев.

⁹ Mary Douglas. *Leviticus as Literature*. Oxford: Oxford UP, 1999.

«красноречивого» (Шмот, 4:10). Моше заикался. Моше стал глашатаем Б-га, потому что народ знал: слова, которые произносил Моше, были не его словами, — эти слова вкладывал в его уста Б-г.

Самое четкое доказательство этой трактовки звучит при рождении самого первого ребенка в роду человеческом. После первых родов Ева говорит: «Я обрела (канити) человека с [помощью] Г-спода!» (Берешит, 4:1). Этим ребенком — его имя образовано от глагола «канити» — был Каин, сделавшийся первым убийцей. Если ты стремишься распоряжаться своими детьми, как собственностью, твои дети могут взбунтоваться и учинить насилие.

Если оценки Фюстеля де Куланжа и Ларри Зидентопа верны, из них следует, что на кон было поставлено нечто основополагающее. *Пока родители считали детей своей собственностью, не могло возникнуть понятия «индивид».* Основополагающей единицей была семья. Тора отражает рождение индивида как центральной фигуры нравственной жизни. Поскольку дети — все дети — принадлежат Б-гу, родительство — это не владение собственностью, а опекуновство. Как только дети достигают совершеннолетия (традиционно девочки в двенадцать лет, а мальчики в тринадцать), они становятся самостоятельными действующими лицами нравственной жизни, обладающими своим чувством собственного достоинства и своей свободой¹⁰.

Зигмунд Фрейд прославился тем, что тоже имел кое-что сказать на эту тему. Он полагал, что одна из основных движущих сил человеческой личности — эдипов комплекс, конфликт отцов с сыновьями, пример которого содержится в трагедии Эсхила¹¹. *Иудаизм, создавая нравственное пространство в отношениях отцов с сыновьями, предлагает решение этого конфликта, обходящееся без трагедии.* Если бы Фрейд черпал свои понятия о психологии из Торы, а не из древнегреческого мифа, то, возможно, пришел бы к более оптимистичному взгляду на человеческую природу.

В таком случае зачем Б-г сказал Аврааму об Ицхаке: «Принеси его в жертву всесожжения»? Для того чтобы разъяснить всем грядущим поколениям: евреи осуждают жертвоприношения детей вовсе не по той причине, будто у них не хватает храбрости их совершать. Авраам — живое доказательство того, что храбрости у них хватает. Причина другая: они воздерживаются от таких жертвоприношений, потому что Б-г — Б-г жизни, а не смерти. В иудаизме, как видно по законам о ритуальной чистоте и обряды с рыжей коровой, смерть не священна. Смерть оскверняет.

Тора — нечто революционное не только в отношении общества, но и в отношении семьи. Конечно, на протяжении библейской эры революция Торы не была доведена до полного завершения. До отмены рабства еще не дошло. Права женщин пока не осуществлялись на практике в полной мере. Но рождение индивида — целостной природы каждого из нас как самостоятельно действующего лица нравственной жизни — было одной из великих нравственных революций в истории.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

¹⁰ Возможно, не случайно, что самым знаменитым проповедником идеи права ребенка на уважение был Януш Корчак, создатель знаменитого сиротского дома в Варшаве, погибший вместе с сиротами в Трешлинке. См.: Tomek Bogacki. The Champion of Children: The Story of Janusz Korczak. 2009.

¹¹ В «Тотеме и табу» он утверждал, что эдипов комплекс занимает центральное место и в религии.